

*Посвящается всем детям,
которые воспитывались
без отцов*

*Танец — это жизнь.
Стивен Кинг.*

*Боль неизбежна.
Страдание — личный выбор каждого.
Харуки Мураками*

Письмо 1. Лекарство от тоски

15 января, пятница

Возможно ли оживить того, кто умер? Если да, то я постараюсь сделать что смогу. Мертвые ведь тоже иногда воскресают, как и мы после сна? Их просто нужно разбудить.

Сон начинается всегда одинаково. Этот человек из моего сна каждый раз умирает. Сколько раз ни пытался, ничего не получается. Я подхожу к стеклянной двери, и он там стоит. Лица не видно, не поворачивается. На нем зеленая спортивная куртка и шлепанцы. Я знаю, что случится дальше, и мне нужно вывести человека из дома. Это важно. Возможно, мы были знакомы. Я зову его, кричу что есть сил. Он меня не слышит. Во сне я беспомощен.

Стены дрожат, с потолка сыпется, бегут трещины, ломаются бетонные плиты. Пыльная завеса накрывает. Он задыхается, обломки стены прижали его к полу, и я могу слышать только тяжелые хрипы. В доме он не один: на нижних этажах завывают дети, они тоже под обломками. Дом стонет, харкает кровью, пока из легких выходят остатки воздуха.

Я стою перед экраном смерти, боли и страданий. Слышу, вижу и чувствую, но ничем не могу помочь. В небо тянется черный дым, поворачиваюсь к разбитому окну: город в развалинах, и гул самолетов нарастает.

Я просыпаюсь...

Что ни говори, писать это письмо довольно необычно. Вначале написал «странно», но решил вычеркнуть и исправил на «необычно». Думаю, так будет лучше. Не знаю, о чем принято писать в письмах, а о чем умалчивать. Но в этом-то и вся проблема — я устал молчать. Надеюсь, я делаю все правильно, а если нет — постарайся не расстраиваться, я только начинаю.

Адрес, по которому я собираюсь отправить письмо, я нашел на старом конверте. Иногда я вижу, как мама читает письма, хотя не видно, чтобы они приходили по почте. Листы помятые, бумага пожелтела. Не нужно быть умником, чтобы понять — она перечитывает твои письма. Долго не мог понять, где она их прячет, пока не застукал. Она стояла на стуле и ставила на антресоли шкафа коробку из-под обуви (там у нас хранится

куча всякого хлама, но не обувь). Обувь мы держим во внутреннем отделении дивана. Она засуегилаь, как только я вошел. И это меня насторожило. Спрашивать, что у нее там, я не спросил, я же не дурак. Она бы перепрятала коробку в другое место. Вот я и включил режим пофигиста и пошел заниматься своими делами.

То, как я добирался до писем было и смешно, и не смешно. Смешно, потому что пару раз чуть не грохнулся со стула, ножки в нем совсем разболтались. А не смешно, потому что это я чуть не упал со стула. Я знаю, о чем ты подумал: читать чужие письма — мерзко, но ради информации приходится через многое переступить.

Сегодня наша училка по языку и литературе велела мне задержаться после урока. Я подумал, она будет отчитывать за какой-то косяк. Ты ведь знаешь, как это бывает: начудишь что-то и забудешь, а потом, хоть убей, не вспомнишь. Как ни странно, она говорила спокойно, чуть ли не по-дружески. Готов поклясться, раньше с ней таких припадков не случалось. Почему-то ей стало интересно знать, чем я занимаюсь в свободное от школы время. *«Ага, так я тебе и скажу...»* — подумал я. Ответил, что ничем особенным: залипаю на видеосиках в Youtube, смотрю фильмы.

Я пропущу середину и перейду в конец разговора, когда она спросила, читаю и беру ли я книги из библиотеки? Я замешкался, подумал, зачем ей это, и не найдя ответа, сказал, мол, читать мне не нравится, это скучно, ну... По крайней мере то, что проходим в школе. Она задумчиво улыбнулась и велела идти на следующий урок, если у меня нет к ней вопросов. Вопросов у меня накопилось много, но не уверен, что получу от нее правдивые ответы.

Наверное, тебе хочется знать, почему я тебе пишу. После всего, что случилось, мне бы не мешало давно успокоиться и принять все как есть. *«Продолжить жить»*, — так говорят в фильмах. На самом деле причин тысячи и тысячи.

Сегодня мне стало особенно тяжело. Такое неприятное чувство, когда в груди давит и не дает свободно выдохнуть. Я просыпаюсь с ним каждое утро и с ним ложусь спать. Не могу объяснить, откуда оно берется.

Плохо то, что мне не с кем обсудить свои проблемы. У мамы полно

забот и без меня. Она приходит с работы уставшая, и не хватало только, чтобы она еще за меня волновалась. К тому же есть такие вещи, которые с мамой не обсудишь. Мой друг тоже не вариант, хотя мы с шестого класса за одной партой. По сути, я должен довериться ему, учитывая то, что он мой единственный друг. Но как говорит мама: *«Не все так просто, Давид»*. Это действительно так.

Мы с Ваном можем вместе посмеяться над мемами, обсудить игры, фильмы и прочую хрень — не больше. Мы не делимся секретами, не обсуждаем семейные проблемы и не говорим о сверхличном. Вот так и живу, держа все в себе. Паршиво, когда не с кем поговорить. С каждым днем вопросов только прибавляется, ответы на которые мне не от кого получить. То ли детство от меня уходит, то ли я от него ухожу. И порою мысль о том, что я не смогу вернуться, пугает.

Теперь ты понимаешь, почему я пишу тебе. Мне кажется, это должно чем-то помочь, решить часть моих проблем. Понимаю, такой способ общения нельзя назвать нормальным, даже мне это кажется престранным. Надеюсь, это сработает.

Ты даже представить не можешь, как мне хочется встретиться с тобой, обнять за спину, почувствовать запах одеколona вперемешку с табаком, прижаться крепко-крепко и не отпускать. Должно быть, кому-то из моих ровесников такое желание покажется дикостью, мол, так делает только сопливая малышня или педики. Но не для меня. Уверен, мы бы стали хорошими друзьями, доверяли друг другу самые мелкие секреты, ходили на рыбалку, ездили на природу, жарили шашлыки. Ты бы учил меня ставить палатку, рубить дрова для костра, давал советы как понравиться девушке. Ты бы научил меня всем этим вещам, о которых узнают мальчишки от отцов. Вещи, которые делают мальчишек мужчинами.

По ночам, когда не спится, я фантазирую как бы все сложилось, будь мы нормальной семьей. Все это конечно здорово: счастливая семья, мама, папа и я, пока не возвращается реальность.

В некоторой степени я завидую Вану. Во-первых, у него есть отец, они видятся каждый день, шутят, смотрят по вечерам матчи, спорят, чья очередь выбивать ковры по субботам и выносить мусор.

Во-вторых, у него есть младшая сестренка, что значит ему не так скучно и не приходится в одиночестве дожидаться прихода родителей с

работы. Тогда как я оставался дома один с девяти лет. Это не прикольно, когда поздно вечером в твою дверь ломится пьянчуга. Он поймал «белку», и ему не докажешь, что он здесь не живет. Мама тогда работала в ночную смену. А когда никто не бился в дверь, то было жутко одиноко. Я всегда был один, всегда.

Знаешь, даже если у тебя есть друг, это не всегда значит, что можно забыть об одиночестве. Иногда мне бывает одиноко даже с Ваню, в тех случаях, когда на перемене он общается в компании других парней. И необязательно это должны быть парни, девчонки тоже всегда с ним. Дело в том, что Ваню, в отличие от меня, легко находит общий язык с разными людьми. У него есть какая-то магнетическая способность притягивать к себе внимание. Не то чтобы он мастер выпендрежа, просто у него есть, как эта... харизма, вот подходящее слово. Вокруг него собирается компания из 10-15 человек, стоит им услышать его голос. Он может рассказать шутку, необязательно удачную, но не важно, все равно они ухораются со смеху и хватаются за животы. Расскажи я то же самое, на меня посмотрят, как на придурка, некоторые им обзовут, даже найдутся те, кто скажет: «закрой хайло».

Ни нужных связей, ни полезных навыков у меня нет, да и учусь немногим лучше Ваню. И зачем ему такой друг?

Когда тоскливо, я смотрю из окна. Это позволяет чувствовать себя частью этого безумного мира. Буквально на днях я видел большую стаю птиц, похожих на соек, тоже серые, только мельче и с таким, что ли, ирокезом на голове, как у панков. Думаю, их было штук двести, не меньше. Так вот, эта компашка прилетела в наш город, обглодала все деревья красной рябины и двинулась на Юг. Белый снег укрывал красный ковер осыпанных ягод. Захватывающая зрелищность.

Думаю, Хичкоку такое бы понравилось:

Город атакован птицами-панками. Внимание, птицы бурно реагируют на красный цвет! Девушки и женщины, постарайтесь в ближайшие дни (пока птицы не отловлены) отказаться от красных тонов в своем гардеробе. То же касается цвета губных помад и нижнего белья. Предупреждение: они видят вас насквозь!

Со страстной любовью, Администрация города.

Чмок-чмок.

Что ж, сегодня пятница, и это радует. Впереди два дня свободы: ни тебе школы, ни процедур. Дни, когда не нужно вставать по будильнику, можно делать почти все, что не запрещает закон. Они не могут надоесть, это время общения с друзьями и близкими.

Такие дни нужно проводить с пользой. Не судорожно молиться над учебниками ради повышения среднего балла на 0,2. Но и не ударяться в бесконтрольное раздолбайство. Думаю выбраться в город, сходить в кино. Лучше так, чем вечером воскресенья осознавать: завтра в школу, а выходные спущены в горшок. В любом случае постараюсь не быть початком кукурузы. Тоскливо постоянно висеть на стебле, так и загнить легко.

Вот только одно огорчает — мой сон. В следующий раз он не должен тем же закончиться. Человек в зеленой куртке не умрет. Я предупрежу и выведу его в безопасное место. Кричать через стеклянную дверь бесполезно: он не услышит. Я найду чем разбить дверь, и человек выживет.

Да будет так.

Письмо 2. Пьяная обезьяна

20 января, среда

Среди будних дней не так-то просто найти время на письмо. Мне кажется, люди, из Министерства образования постарались загрузить учеников так, чтобы тем просто не хватало времени на хулиганство, выпивку и развлечения. Ну, по крайней мере тем, кому не наплевать на свое будущее. Честное слово, чтобы не скатиться до троек, мне приходится часами сидеть за учебниками.

Не прошло и двух недель как мы снова учимся, а я уже скучаю по каникулам. Если постараться, то еще можно найти высушенные мандариновые корки под диваном. В детстве я любил делать закладки по всей квартире. Так сохранял запах и настроение зимних праздников. Бывало так, что я забывал, куда прятал, и через недели мама находила мои заплесневевшие закладки. Почему-то ее это расстраивало.

Не знаю, обратил ли ты внимание на обратный адрес из прошлого письма. Он несуществующий, хотя новостей от тебя я жду с нетерпением. Я сделал это не просто так. На то есть причины.

Помнишь, я писал, как собираюсь провести выходные? Так вот, я пошел к моему другу Ваню. Квартира у них настолько просторная, что можно ездить на велике. Еще у них дома постоянно пахнет моющими средствами. Знаешь запах лимонной эссенции, им еще обрабатывают писсуары в туалетах кино? Так вот, пахнет той самой эссенцией. Причем первые «тревожные звоночки» ловишь уже на входе. В ванной и туалете эта едкая вонь становится невыносимой: глаза слезятся и нос еще пару часов не выходит из комы.

Мама Ваню — странная женщина, что ни говори. Это не трудно заметить, достаточно побывать у них в гостях. Вообще-то это место трудно назвать жилой квартирой, скорее стерильная операционная. Когда зайдешь к ним в гости, то обязательно увидишь в коридоре шеренгу из тапочек. Те, что серые, всегда достаются мне. Клянусь, если бы у них в квартире жила собака, то и она бы носила тапки.

Думаю, ты догадался, чем «болеет» мама Ваню. Как у закоренелой домохозяйки, у нее бзик на чистоту и порядок. Нетрудно догадаться, чем она занята, пока дети в школе, а муж на работе. Скорее всего, на ней старый халат, волосы собраны в хвост на затылке, а на руках

желтые резиновые перчатки по локоть. При ней весь боевой комплект: губка, моющее средство и туалетный ершик. Пока дети учатся, муж зарабатывает, она борется с грязью, пылью и водяными разводами на керамике ванной. Она достает каждый волосок из слива душевой, выкручивает лампочки и устраивает им влажную уборку, вычищает унитаз до такой стерильности, что в нем можно заваривать чай. В общем, образцовая домохозяйка.

Я уже говорил про тапочки; не только от них меня раздражает поржать. Если тебе вдруг захочется в уборную, то там тебя ждет еще один сюрприз. На стене скотчем приклеена полоска бумаги с надписью: *«Когда Вы закончите свои дела, пожалуйста, опускайте крышку унитаза. Спасибо»*. Представляешь себе такие «дела»? Честное слово, в первый раз я чуть не сдох со смеху. Умора и только.

Что касается отца Ваню, то при виде меня он вечно тянет свою волосатую лапу. Это не очень приятно, потому что руки у него постоянно липкие. Даже думать не хочется, где он их держит. Хватило бы и простого «Салами»¹. После мерзкого рукопожатия он обычно закидывает очередную похабную шутку, пока жена не слышит. В таких случаях я делаю вид, будто шуточка меня зацепила. Но это только для того, чтобы он не клал свою лапу ко мне на плечо со словами: «Давид, разве не смешно?..» Возможно, он и не плохой отец, но как человек он мне не нравится.

Я со всем семейством сидел за обеденным столом, когда мама Ваню закончила расставлять перед нами тарелки со щедрыми кусками пирога и сложила вместе ладони. Вид у нее был такой серьезный, что я подумал, будто она собралась прочесть молитву. На самом деле она пожелала всем нам приятного аппетита и улыбнулась. Мы начали есть. Честно, эти пустые слова насчет «приятного» меня всегда раздражают. Не знаю, по мне, если еда вкусная и ты голоден, то никакие пожелания не сделают ее хуже. И наоборот: если от одного вида еды подташнивает, то ничто не сможет ее улучшить. А вот что и может испортить настроение, так эти заезженные фразы.

Дожевывая кусок пирога, отец краем глаза посматривал горячие новости по телевизору, в то время как младшая сестра Ваню не выпускала из рук пучеглазую куклу-монстра. Прожевав, я похвалил

маму Ваню за вкусное угощение. Говорил от души. Пока я нахваливал ее пирог и незаметно для остальных вытирал о скатерть все еще липкую ладонь, я поймал на себе хитрый взгляд маленькой любительницы чудовищ. Я и забыл, что те, у кого ноги не достают до пола и только носы торчат из-за стола, видят больше остальных. Вначале ввела меня в замешательство, а потом, посмеиваясь, уткнулась носом в куклу. Нет, ну чем не чертовка растет?

После ужина мы с другом пошли в кино на «Выжившего»². Фильм рассказывает о жестокости, предательстве и мести. Но главной темой я бы назвал силу воли, которая помогла главному герою выжить после схватки с медведем, выбраться из могилы и продолжить идти. Там есть выражение: *«Пока ты способен сделать вдох, борись»*. Чертовски сильные слова.

Вот что меня действительно тогда порадовало, так это адекватность зрителей: ни шелеста целлофана, ни хруста чипсов, ни перешептываний. Если такое и бывает, то раз в жизни.

Мы вышли из кино, и за нами покати́лась волна голосов. Ветер гнал густые хлопья снега прямо в лицо, превращая нас в живых снеговиков. Холод зубодробильный. И вот через эту зубную морзянку мы делились впечатлениями.

До перехода далеко тащиться, и Ваню предложил перебежать дорогу. Мороз крепчал, дорогу припорошил рыхлый снег, а под ним невидимым слой наледи. И вот мы бежим, дорога широкая, машины мчатся, ослепляют, под ногами скользкий асфальт, а в голове одна мысль: *«только бы не упасть»*. И вот Ваню далеко впереди, он уже стоит одной ногой на тротуаре. Подгоняет меня. Я шевелюсь, но кроссовки скользят, и эта мысль в голове, не дает покоя: *«Что, если водитель не успеет затормозить, и машина расшибет меня к хренам»*. И тут я ступаю на тротуар и вздыхаю с облегчением — пронесло.

Пока мы не разошлись кто куда, я на метро, Ваню на автобусную остановку, мы без умолку болтали.

— Что думаешь о нашей новенькой? — спросил Ваню.

— О Соне, что ли? — спросил я самым наивным голосом.

— А о ком же еще? Парень, тебе совсем мозги отморозило, — сказал он, закатывая глаза. Только Ваню может так мерзко закатывать глаза.

Вид у него становится такой, будто собирается блевануть.

— Что думаю, ничего не думаю, — на самом деле я многое о ней думал. — Соня вроде неплохая девушка. Я с ней особо...

— Кончай уже. «Неплохая девушка»? Тебе точно мозг отморозило. Сказать, что я о ней думаю? Она — офигенная, зачетная, sexu... Могу перечислять бесконечно. К тому же экзотика для наших мест. А сиськи, ты видел ее сиськи?

— Слушай, если она тебе так нравится... предложи ей, ну...

— Встречаться? Ты же знаешь моих родителей! Мне пришлось поклясться, что не буду связываться с девушками других национальностей. Даже с осетинками, представляешь, а ты предлагаешь встречаться с украинкой?

— Вообще-то она белоруска.

— Пофигу, сиськи у нее все равно классные.

Вано есть Вано, у него найдется тысяча оправданий. По-другому быть не может. Как-то ему предложили роль в школьном драмкружке, так он отказался, потому что его персонажу *«дали мало реплик..., у этого парня неправильные жизненные приоритеты. И вообще, играть в драмкружке — для тидоров»*. Вот как оно бывает. С другой стороны, я совру, сказав, что последняя новость (насчет Сони) меня сильно расстроила. Не тот случай.

И хотя Вано запрещалось путаться с приезжими, тем не менее, запрет на пошлую болтовню не распространялся. Остаток дороги он составлял список из пяти девушек нашего класса, с кем бы он поупражнялся в твистере. Чтобы ты понимал, это не совсем та игра, которая сразу приходит в голову. Наверное, будет не лишним сказать, что несмотря на происхождение, Соня занимает в том списке первое место.

Вообще-то Вано любит потрепаться на разные темы, но чаще всего говорит то, что нельзя слушать деткам. Часами может трепаться о сексе. Знает всякие премудрости, например, как возбудить девушку так, чтобы та превратилась в «фонтанчик с сиськами». Может показаться, что Вано матерый садовник цветника, но я бы не стал всему верить. Хоть у него и была девушка, но, насколько я знаю, вагончик так и не дошел до депо.

Тем вечером уже в метро я видел драку пьяной обезьяны. Началось все с шутки. Один парень забрал кепку у приятеля, надел на себя и

расхаживал с важным видом. Думаю, он был под мухой. Парень, у которого забрали кепку, пошел за обезьянообразным человеком. Пока он тоже воспринимал это в шутку. Обезьяноподобный не унимался, прыгал по сиденьям, копируя пьяную обезьяну. Другому парню поднадоели такие «шутки» — попытался вырвать кепку из обезьяньих лап. Человек-обезьяна не растерялся, повис на поручне и оттолкнул приятеля ногами. Затем он перепрыгнул на сиденье, открыл форточку и... Прощай кепка.

Завязалась драка. Парень без кепки повалил человека-обезьяну на пол. Он ударил кулаком в обезьянье лицо, пока тот истерически смеялся. 2-3 удара — и их растащили приятели. Обошлось без крови, как мне показалось. Человек-обезьяна встал на четвереньки, давясь маниакально-истерическим смехом. Я не сразу заметил кровь. Обычно кровь из носа либо течет, либо капает, а у него кровь выпадала залубеневшими сгустками. Человек-обезьяна сидел на полу весь в крови, зажимая распухший нос. И знаешь что? Он умудрялся ухмыляться.

Не знаю, где закончился вечер этих парней: в больнице или в полиции?

Выбравшись из подземелья, я пошел домой. Обезьянье лицо мерещилось повсюду, измазанное кровью, с улыбкой... На поверхности падал снег. Пока я шел, снег приятно поскрипывал под ногами. В свете фонаря крупные хлопья кружили, как безумные мотыльки. Красиво до чертиков, хотелось идти дальше.

Письмо 3. В нашем доме...

2 февраля, вторник

Полагаю, нужно написать о нашей семье. Как ты помнишь, мы жили на съемной квартире. Когда мама поняла, что ты не вернешься, мы переехали в общежитие. На одну зарплату мама не смогла бы потянуть съемную квартиру. Я понимаю, почему мы не перебрались к брату мамы, дяде Резо, хотя запросто могли. Их дети взрослые, живут отдельно, так что в трехкомнатной квартире нам бы нашлось место. Мама не хотела их напрягать. Пришлось перебираться в общежитие, где одна комната — это коллаж из гостиной, столовой, зала и спальни с двумя спальными местами.

Сейчас объясню, чтобы ты понимал, о чем я. Когда открываешь дверь нашей берлоги, ты ступаешь на зеленый коврик, проходишь коридорчик в два шага, справа в углу стоит холодильник, чуть левее — обеденный стол, а еще левее — диван, на нем спит мама. Дальше идет большой шкаф, высотой почти до потолка, он поставлен боком, что-то вроде неполной перегородки. Прямо за ним стоит компьютерный стол, там я обычно делаю домашнюю работу. Затем идет окно и мой диван, а у другой стены — телевизор. Сделав круг, возвращаешься к коридорчику (на самом деле это всего-то узкий проход от двери в комнату длиной полтора метра), справа там висит зеркало в мой рост, а слева вешалки, под ними обувная полка. Все просто, здесь нереально заблудиться.

Места стало так мало, что я думал никогда не свыкнусь. Первые пару недель я постоянно за что-нибудь цеплялся. День заселения запомнился мне стенами с засаленными обоями и прожженным окурками линолеумом. Комната забита мебелью, горой коробок, негде пройти, негде сесть. Часть коробок, что не вмещались, продолжали стоять в коридоре. А ведь это самое необходимое. Много пришлось распродать.

Нетрудно догадаться, что жизнь в общежитии со своими минусами: не всегда получается сходить в туалет, когда вздумается, потому что на весь этаж всего одна уборная. То же самое с душевой: чтобы попасть в душ вечером, нужно идти до того, как все придут с работы, либо ближе к 10-11. Вот так. Но, наверное, ко всему можно привыкнуть, если не раздувать из этого катастрофу. А вообще я иногда думаю, могло быть и хуже, если бы мама влезла в долги, чтобы платить за квартиру. Мы

могли оказаться на улице, а что может быть хуже, чем стать бездомным?

Дом — это целая вселенная. Загляни в любое окно любой квартиры, и ты увидишь там свою особенную историю.

Люди, что живут в нашем доме, не могут похвастаться красивой жизнью. Им не так сильно повезло, вот почему они здесь оказались. Они живут так, как могут, и делают, что умеют. Это люди самых разных профессий: слесари, библиотекари, вахтеры, учителя, парикмахеры, электрики, дворники. Простые люди.

Кроме минусов здесь есть и свои плюсы. Если мне становится скучно, то чаще всего я иду в общую кухню. Ставлю чайник на плиту, сяду у окна и делаю вид, что дожидаясь, пока тот закипит, а на самом деле слушаю бестолковые разговоры теток за сорок. Иногда тошно становится, так тошно, что даже смеяться хочется от их болтовни. Достаточно всего несколько минут, чтобы уши завяли. У тети Мариам и тети Наны рты вообще не закрываются. Я так и представляю, как их мужья со словами «А теперь, куколка, повернись ко мне спиной» надевают им перед сном респираторы. За готовкой ужина эти тети успевают обсудить все-все, что стряслось за день. И меня удивляет, где они берут информацию, ведь тетя Мариам работает вахтером, а тетя Нана библиотекарем. Тем не менее, им всегда есть о чем потрепаться.

Признаюсь, я хожу на кухню не только ради разговоров о сапогах, которые Мариам присмотрела своей доченьке, или с кем изменяет Вахтан с пятого этажа. По воскресеньям дядя Ираклий (я его называю просто Ирак) приходит на кухню выпить чай и покурить. Он любит цепляться к женщинам, старается их поддеть и заодно рассмешить. И хотя все женщины этажа, и моя мама в их числе, не в восторге от его подколов и пепла в цветочных горшках, думаю, он им нравится. Женщине нравится внимание со стороны мужчины.

На пятом этаже живет одна пожилая женщина — Манана. Она самая старая в нашем доме. Акулы сплетен болтают, мол, она ведьма и прочий бред. Она одинока и почти не выходит на улицу. Что-то вроде затворницы. Вот и повод для сплетен.

Однажды мама попросила меня отнести ей пури³, ей самой было любопытно. Пару раз я оставлял угощение у двери, потому что она не

открывала. Я не хотел идти, говорил, что бессмысленно таскать пури старухе, если она его не берет. Стучал я настойчиво, все костяшки сбил, черт бы ее побрал, и ради чего? Мне надоело, пальцы болели, и я собирался положить пакет на пол, когда услышал шорохи изнутри. Дверь открыла сердитая старуха.

— Дай сюда, — сказала она, выхватив пакет. — Ты ведь не отстанешь, маленький чертенок! И не смей больше класть у двери, эти проклятые коты сначала нажуются, а потом гадят. Будь они прокл...

Она захлопнула дверь. Вот так просто, взяла и захлопнула дверь, даже не сказала «спасибо». Я еще постоял какое-то время у ее двери, с приоткрытым ртом и большими глазами. И самой первой мыслью, что пришла мне в голову, была: «*Вот старая...*». Так мы и познакомились.

После такого знакомства мне самому стало любопытно узнать, как и чем живет эта старуха. Я думал над тем, как смогу попасть к ней в убежище. Нужно было принести что-то тяжелое, что она не сможет унести. Тогда я притащил пятикилограммовую сетку картошки. Она открыла дверь с тем же сердитым лицом, посмотрела на меня, на сетку с картошкой, сложила руки на груди и снова уставилась на меня.

— Что тебе нужно, бичико⁴? Ты из этих, как они там... волонтеров?

Я стоял на пороге и объяснял ей, что я не волонтер, а живу двумя этажами ниже и прихожу только потому, что мама заставляет. Подумал, пусть видит, мне тоже это не по кайфу. Старуха все еще стояла, скрестив руки, изучала меня из-под нависших век через узкие щелочки, морщинистая, худая и ровная. Выслушав меня, она пожевала губы и, отведя взгляд в сторону, сказала:

— Ладно, заходи, бичико, — она отошла в сторонку, пропустила меня внутрь. — Раз уж ты приволокся... не тащить обратно.

Занося картошку ей в комнату, я рассчитывал оказаться в крысиной норе, море мусора, зверинце линялых котов с невыносимой вонью мочи и дерьма; в гниющей коробке без электричества с кусками картона в окне. Ведь именно так живут выжившие из ума старухи, подавшиеся в затворничество? Такого я не ожидал увидеть. Я оказался в небольшой светлой комнате, разделенной на кухню и зону отдыха. На стенах навесные шкафчики, электроплитка на две конфорки, посудные полотенца и прихватки на крючках, связка сушеного перца, а на полках

штук сто баночек со всякой всячиной. Прямо как у моей бабули. Слева диван с застилкой в народный орнамент, книжная полка и швейная машинка в углу. На стене черно-белые фотографии в деревянных рамках, в углу — икона.

Пахло абрикосами в середине декабря. Я всегда подмечаю запахи в новых местах. И здесь, в тесной комнатухе, пахло куда приятней, чем в просторной квартире Ваню, пропитанной освежителем и отбеливателем. Я поставил сетку у кухонного стола, Манана налила стакан киселя. Вот чем пахло. Сел в кресло с расшитыми подушками и отпивал маленькими глотками. В меру густой и сладкий. Я смаковал абрикосовый кисель, хотя всегда их ненавидел. Она осталась за кухонным столом и поглядывала в разрисованное морозом окно. Выглядела она задумчиво и совсем не по-ведьмовски — обычная старуха, только высокая и с прямой спиной.

— Покажи, где у тебя целый карман, — сказала она, хмурясь. — Чтоб без дырок.

Я показал на тот, что был у меня в балахоне. Она положила в него 3 лари и медленно застегнула молнию.

— Передай своей маме мою благодарность. За заботу. И еще, больше не приходи. Понял?

Если раньше я не писал, кем работает мама, то теперь самое время. Сейчас она работает швеей. На фабрике, где она собирала мебель, приходилось всю смену работать на ногах. У нее появились проблемы со спиной, вот почему она ушла. Ее нынешняя работа немногим лучше, но хоть тяжести не нужно носить.

Знаешь, когда я смотрю на маму, измученную работой и вечными заботами, я пытаюсь представить, как бы она выглядела, будь у нее другая жизнь. Я смотрю на женщин ее возраста и вижу свежие лица, приподнятые уголки губ, блеск в глазах. Честно, мне обидно.

В последнее время она много курит, действительно много. Ходячая машина по переработке кофе и сигарет. Что-то ее изводит, вижу по глазам, она чаще всего отводит их в сторону, будто стыдится. Мама не хочет это со мной обсуждать и, если я не отстаю, бросается в слезы, берет сигареты и запирается в туалете.

Если тебе интересно знать, как для меня прошла неделя, то в принципе

ничего нового. По литературе мы проходим творчество Булата Окуджавы⁵. Нам задали выучить один из его стихов. Признаться, учить стихи наизусть я ненавижу, во-первых, нудно, а во-вторых — лень. Сегодня я оттягивал до последнего, то возьму телефон, то пойду поем.

Я бессмысленно повторял одни и те же слова, начиная себя ненавидеть. Ненавидеть людей, что пишут стихи. Земля выиграла, если бы поэты оставляли мысли при себе. Дайте ему денег, пусть идет в занюханый бар — надерется от души и отпустит. И не давайте бумаги.

Перечитав последние предложения, знаешь, что я понял? Какой же бред. Наверное, я сильно устал, устал бессмысленно повторять глупые строки. Ладно, пап, я пойду спать... То есть мне нужно учить стих. В общем, спокойной ночи.

Письмо 4. Столкновение

11 февраля, четверг

Здесь, в этом письме, я собираюсь написать не о самых приятных вещах, что случились со мной недавно. На самом деле, неохота рассказывать об уроках и тех придурках, что ошиваются в школе. Скучно. Правда, придется, потому что случилось это не в самом классе, не буду вдаваться в подробности, расскажу самое главное. Я никому не стал говорить, но этот парень... такого мерзкого сукиного сына надо еще поискать, он все разболтал.

Поверь, мне меньше всего хочется трепаться о всяких кретинах и снова вспоминать ту чушь, что он наболтал мне в туалете. Но раз уж я начал, придется продолжить.

Так вот, по литературе нам задали выучить любой стих Булата Окуджавы. И когда подошла моя очередь выходить к доске, тут-то я заволновался. Целую ночь учил, повторял-повторял, психовал от того, что забываю строчки, пока не заснул.

Я медленно поднялся со стула и так же очень медленно пошел вдоль рядов парт: время тянул, само собой. Иду не спеша, а эти гадкие лица смотрят на меня. Глаза прищурены, рты приоткрыты — мерзость. Почти все из них были гадкими, кроме лица училки, Ваню и, может, еще новенькой с последней парты. Я стал у доски, тупясь взглядом на разрисованную крышку первой парты. Напрягал мозги. Всегда не понимал, почему, как только приходит время отвечать стихи, так обязательно надо выходить к доске, чем с места плохо?

Из всех стихов Окуджавы я выбрал «Памяти моего брата Гиви», мне он показался очень честным и грустным. Если ты читал его, то должен понять. Правда грустный стих.

Начал я, как ни странно, неплохо, только доскажу одну строчку, сразу вспомню следующую, и так одна за другой. Ох, я был рад, даже самому не верилось. Пока меня не переключило в середине, я повторял «он похоронен и отпет...», раз 7 проговорил эту проклятую строчку, но ничего не вспоминалось. В рядах зашептались, послышались смешки. В конце концов я повернулся к училке и сказал, что не готов. Она сказала, что я хорошо начинал и ей жаль. В ее голосе не было злости, скорее досада или... не знаю даже что. После ее слов мне стало не по себе, я

почувствовал себя как-то отвратительно глупо. Получается, она понадеялась на меня, а я ее подвел. В ту минуту я странно себя почувствовал: стало трудно дышать, и по телу прошла мелкая дрожь. Казалось, еще минута — и меня вырвет, или свалюсь на пол без сознания, а возможно, случится и то, и другое сразу. Мне правда становилось хреново. Я смотрел на разрисованную крышку парты: противные мультяшные морды корчили рожицы, показывали языки, картинка плыла перед глазами.

Я шел по коридору с этими унылыми серыми стенами, а поганые слезы текли по щекам. Ох, уж раскис я тогда, самому стыдно. Я крепко сжимал руки в кулак, дышалось тяжело, словно что-то застряло в груди.

В туалете меня чуть не вырвало по двум причинам: во-первых, от смеси запахов хлорки и мочи, и во-вторых, от вида плевков насвая^б, как пожеванное куриное дерьмо. Даже расстроенным я помнил — их нужно обступать. Я повернул кран с холодной водой до упора, полилась ледяная вода. Повиснув над умывальником, я как следует высморкался. Набирал полные пригоршни ледяной воды и умывал горячее лицо. Минут через семь мне полегчало. Я пошел отлить в писсуар и нажал коленом кнопку слива. В этой школе полно дураков, и, наверное, я один смываю за собой, остальные только и знают, что бить мимо цели и обливаться паршивые кнопки.

Я застегивал молнию брюк, как в туалет завалился этот кретин Звиад.

— Наша плакса не выучила стишок, ах ты бедненький... Уже позвонил мамочке, поплакался ей в трубочку?

Звиад вертелся перед зеркалами, что висели над умывальниками, мочил ладони водой и поправлял дурацкую челочку. Если тебе действительно хочется знать, какого черта он ко мне цепляется, ответ прост: таким как Звиад дай только повод. Им необязательно делать что-то плохое, они нападают на слабых ради веселья.

— Эй, плакса, ты чего там делаешь? Навалил в штанишки? Не волнуйся, мамочка купит другие в секунде.

Я видел в отражении противную улыбку с этими белыми зубами. Ох, как же я хотел его ударить, ты бы знал. Больше всего на свете хотел отделать по этой самодовольной роже.

Приглаживая шевелюру, он продолжал что-то вякать, мол, я со страху

схватился за конец, но стоило мне встать рядом, как он дернул к первой умывалке, что у двери. Меня это рассмешило.

— Чего дохнешь? — спросил он таким невинным голоском, от которого мне стало еще смешнее. — От тебя пованивает.

Я пошел к сушилке, а он все поглядывал в зеркало, чем я занимаюсь у него за спиной.

— Стой, — сказал я после того, как развернулся и перекрыл ему выход. — Зачем тебе это... Скажи, зачем? — я знал зачем, всем «Звиадам» нашей планеты нравится цепляться. Пока ты в порядке — они сидят тихо, но стоит чему-то случиться — они тут как тут.

— Не понимаю, о чем ты, плакса?

— Зачем ты цепляешься ко мне? — мне хотелось его достать.

По его бегаящим глазкам было заметно, как он нервничает. Стоит таких трепачей застать врасплох, и они уже не такие смелые, куда-то уходит их спокойствие.

— Убрал лапы, педик, — он оттолкнул мою руку и задрал голову, чтобы казаться выше. Он часто других обзывает педиками, пидорами, трахожопами, наверное потому, что в этом отношении с ним самим не все в порядке. — Разве ты не понял? Давай покажу, — я ожидал, что он меня ударит, и потому напрягся, даже почувствовал пресс через прослойку жира.

Мы вернулись к умывальникам.

— Теперь смотри, — сказал он, показывая на зеркало. — Что ты видишь?

Я видел зеркало, сплошь усыпанное высохшими каплями воды, разводами грязных пальцев, и где-то далеко наши отражения.

— Сказать, что я вижу? Рядом со мной стоит какой-то урод. Ты урод, и с этим ничего не поделаешь. Мамочка, наверное, тебе не говорила, но раньше с такими чудиками... Ну, ты понимаешь, со всякими уродствами... Вот, с ними разговор был короткий. Одних — топили, других — уносили в лес... В общем, не сюсюкались. Раньше люди были, что ли, гуманней.

Какой же я дурак, что стоял и слушал его треп. Меня так распирало от желания ударить его по гадкой роже, пока не начнет харкать кровью. Но я так ничего и не сделал, словно оцепенел. Ох, как я ненавижу себя за это. Со мной такое постоянно: стоит кому-то сказать мне что-нибудь

обидное, я сразу цепенею. Не могу постоять за себя.

— Сам подумай, разве это справедливо, что тебя заставляют мучиться? К тому же ты учишься и живешь с нормальными людьми... Не представляю, насколько ты себя чувствуешь ущемленным. Ну, ходишь ты на свои занятия уродцев и уже не корячишься на лыжных палках, ну и что дальше? Так и будешь всю свою убогую жизнь шляться по врачам, пить таблеточки, чтобы не трясло? А если забросишь свою дрочку, скажем, сляжешь с малярийной эболой на месяц, что тогда будет, снова на костыли или в колясочку. Нет, плакса, нельзя так... Я тебе по-дружески советую, кончай с этим. Собаки и те лучше живут...

— Понятно, — говорил я с хрипом, словно в один присест выкурил 200 сигарет. Удары сердца отдавались в горло, жилка на виске пульсировала, и я вспотел. — То есть ты предлагаешь мне пойти повеситься сегодня вечером?

— Как бы тебе сказать... Я, конечно, не подстрекатель, но это было бы лучшим решением. В твоем положении. На твоем месте я бы даже не стал задумываться, — говорил он на полном серьезе, даже взгляд не отвел, ублюдох.

Перед глазами начинало плыть, становилось душно, я боялся, что слабое сердце меня прикончит. Я оперся об умывальник. Нужно было поскорее заканчивать с этой болтовней. За свои слова я мог огрести, но лучше так, чем разбить голову о плитку.

— Я не буду тебя бить, хотя так хочется, правда, хочется побить. Но я не буду. Жалко тебя, Звиад. Слышал, твой папаша как напьется, так бьет тебя, бедолагу, пока не надоест. Возможно, и насиловал пару раз, пока рядом никого нет. У тебя комплекс неполноценности, вот ты и отыгрываешься на слабых. Оно и понятно, почему ты цепляешься ко мне. А по выходным от нечего делать издеваешься над бродячими котами. Так ты душу отводишь?

— Знаешь, что, пидор? — у него задрожала нижняя губа. — Иди на хер.

Насчет того случая в туалете я никому не говорил, даже Ваню. Я надеялся, что после нашей беседы Звиад наконец заткнется и забудет обо мне. Любой парень с мозгами так бы и поступил, но только не он.

Этот фантазер придумал такую дикую историю, что поначалу я не знал, то ли смеяться, то ли еще сильнее смеяться. По его словам, я закрылся в кабинке туалета и весь в соплях жаловался маме на училку. Потом заорал, как ненавижу училку, бился головой о дверь и обещал сжечь ей машину. Затем я накричал на маму из-за того, что она меня не понимает и пригрозил покончить с собой. Да уж, такой бред даже психам не приснится.

Как бы ни было смешно, многие одноклассники съели эту чушь. Теперь я герой мема и купаюсь во внимании. Хотя обычно им удобно вообще меня не замечать. Больше всего бесят их дурацкие вопросы типа: «Ты это... Когда собираешься сделать это? Ну, убить себя?».

На том остроумие Звиада не закончилось: вчера я нашел в своей тетради дурацкий рисунок, где я стою, расставив ноги, а подо мной дымится горячий крендель. Сверху надпись: «Мамочка, кажется, я обделался?». Когда я это нашел, то услышал смешки на задних партах: компания Звиада ложилась со смеху. Звиад ехидно ухмылялся, опять король дураков. Но я-то помнил испуганный взгляд и трясущиеся губы.

Вспомнил, я ведь не досказал, чем решилась история со стихом. После урока училка сказала, что напротив моего имени в журнале стоит точка. Она предложила выучить стих на выходных, а в понедельник найти ее и ответить на перемене. Я так и сделал. Она похвалила меня, сказав, что у меня получилось прочувствовать слова. Я бы мог получить 9, но раз уж ответил со второй попытки, то штрафной балл. Я благодарен ей за возможность исправиться. И пусть не сказал лично (это не в моем стиле), то хотя бы попытаюсь исправиться. Если придется о ней писать, то вместо «училка» буду писать Хатия Томазовна.

Письмо 5. Девушка с последней парты

20 февраля, суббота

Прошлое письмо получилось тоскливым и затянутым. Надеюсь, в этот раз получится по-другому, не обещаю веселья, но что-то хорошее должно быть. И хотя насмешки с тех пор не прекратились, все-таки успело произойти что-то хорошее и не очень.

Начну с того, что в понедельник Ваню не пришел в школу: подхватил пневмонию. Он уже несколько дней хрипел и кашлял, как лошадь, пока отец не свозил его к врачу. Сделали снимок. На нем-то и засветилась пневмония Ваню. Нашли легкое воспаление, но лечиться в больницу Ваню отказался. Уломал отца с условием, что после выздоровления будет месяц выносить мусор. Доктор прописал кучу лекарств и уколов. Мама Ваню подсуетилась, договорилась с соседкой-медсестрой на халтурку. Та на пенсии и делать ей особо нечего, вот и согласилась дважды в день делать больно заднице Ваню.

Вчера заезжал к нему, подумал, неплохо будет проведать друга. Если бы я заболел, мне было бы приятно повидаться с близкими людьми.

Я услышал музыку еще в лифте и сразу догадался, кто разносит стены. Звонить в дверь даже не пробовал — без толку, я мог на два часа прилипнуть к кнопке, и никто бы не открыл. Позвонил на мобильный, и только после третьего раза Ваню поднял. Дверь он открыл в одних трусах.

— КАК ДЕЛА, БОЛЬНОЙ? — прокричал я, когда он появился с ураганом на голове.

Говняное техно играло так громко, что приходилось кричать.

— В шоколаде. ЗАХОДИ, ЗАХ-х!.. — проорал Ваню, он перенапряг больные легкие и сильно закашлялся с таким звуком, с которым разбиваются выброшенные из окна телевизоры. Сотни телевизоров. — Э-э... Ну, почти. Давай, заходи!

Ваню никогда не был нытиком, честное слово, его не многое может расстроить. Наверное, это заслуга пофигизма, натренированного годами. А может, я слишком плохо знаю своего друга, и пофигизм только игра.

Мы пошли в его комнату. Из моих ушей фонтаном била кровь, заляпывая обои, на которые муха не садилась, ковры, двери и зеркала, в